

**ИНСТИТУТЫ И НОРМЫ:
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ**

С.П. Цепяев

Брестский государственный технический университет, sepaevsp@tut.by

Особенности институционального развития в современных условиях таковы, что специфика формирования тех или иных институтов может быть адекватно раскрыта только в контексте всех институциональных изменений, при одновременном обеспечении стабильности складывающихся общественных отношений, проявляющемся в понятии «институциональное окружение» (О. Уильямсон), характеризующееся общей устойчивостью сложившихся структур, обязательностью достигнутых соглашений и т.д.

Институционально-эволюционная теория формируется как реакция на внеисторизм и механицизм в понимании социально-экономической деятельности, основные идеи которой сформулировал Т.Веблен, для которого институты – это устойчивые привычки мышления, присущие большой группе людей. Э.Дюркгейм понимал под институтами функциональные формы социальной организации. Эти идеи заложили основные способы интерпретации институтов, которые трактуются как: социальная форма организации жизни общества (Э.Гоффман); как коллективная деятельность, призванная контролировать индивидуальную деятельность, как обычай, т.е. неорганизованная коллективная деятельность, как особый вид социальной структуры, способный менять цели и предпочтения агентов (Дж. Коммонс); как определенные установившиеся формы мышления (Ч. Кули); как распространенный устоявшийся способ мышления или действия, закрепившийся в привычках группы или обычаях народа (У. Гамильтон); как идеи (Г.Гильман); как организационные модели поведения членов группы (Ф.Чэпин); как образец стандартизированных ожиданий, управляющих поведением человека и социальными отношениями (Т.Парсонс); как формы организованных человеческих отношений с целью установления общей воли (Л.Баллард); как набор правил и норм, определяющих должное поведение при определенных обстоятельствах (Дж. Хоманс); как комплекс установленных и санкционированных правил и установок поведения в обществе (Дж. Хертзлер); как система идей, обычаев, ассоциаций, инструментов, возникающих в практике и регулирующих деятельность (К.Панунцио); как групповые материально объективированные цели (Дж. Фейлман); как совокупность созданных людьми правил и норм, выступающих в качестве ограничений (Д.Норт); как система таких правил, которые не регулируют, а конструируют само поведение, причем институциональная реальность не только описывается языком, но и формируется им, а следовательно институциональная онтология субъективна, а институциональные факты существуют только с точки зрения их участников (Дж. Серл); как системы устоявшихся и общепринятых социальных правил, которые структурируют социальные взаимодействия (Дж. Найт, Дж. Ходжсон); как предписанные образцы коррелированного поведения (Дж. Ф. Фостер); как равновесие (сравнительный институциональный анализ) и др.

В рамках посткейнсианства анализ институтов осуществляется исходя из теории выбора активов, где институты интерпретируются через ожидания, которые характеризуются конструктивностью, конвенциональностью, неоднородностью и неопределенностью.

Признается, что институты, рассматриваемые как социальные структуры, формируют исторические причинно-следственные связи, возвышаясь над индивидуальными привычками мысли и действия. Институт – связующее звено между идеальным и реальным (Дж. Ходжсон).

Институты на постсоветском пространстве трактовались преимущественно в русле выше перечисленных подходов, а именно: как объединение людей, выполняющие определенные функции, связанные общностью традиций, ценностей и норм, обладающих иерархией (Лейман И.И.); как образование, выражающее специфическую устойчивую совокупность общественных отношений, формирующуюся в ходе совместной деятельности (Костина Н.Б.); как относительно устойчивые типы и формы социальной практики (Комаров М.С., Яковлев А.М.); как формы организации общественной жизни людей, устанавливающиеся в процессе исторического развития с целью регулирования их социальных связей и действий (Глотов М.Б.); как правила игры, ограничительные рамки и система механизмов, обеспечивающих их выполнение (Нуреев Р., Шастико А.); как устойчивые постоянно воспроизводящиеся социальные, правовые, экономические и др. отношения, которые, собственно, и структурируют общественную жизнь (Кирдина С.); как правила поведения, т.е. как регулятивные принципы, которые предписывают или запрещают те или иные способы действий (Кузьминов Я., Радаев В., Яковлев А., Ясин Е.).

Что касается социальных норм, то в существующей литературе они трактуются как правила, система правил (Недбайло И.Е., Дробницкий О.Г., Момов В., Бачиашвили И.М., Ширшин Г.А., Пеньков Е.М.); как требование, предписание (Сухорукова Г.А., Михальченко Н.И.); как ценности, оценки (Белопольская Т.С., Ручка А.А.); как стандарт (Архангельский Л.М., Дорощенко П.Ф., Анисимов С.Ф., Гудилина Э.Б.); как образец, эталон, стереотип поведения (Жеребин В.С., Сарингулян К.С.); как канон, жесткий однозначный способ детерминации деятельности (Сазонтов Г.М.); как должное (Александров Н.Г., Ивин А.А.); как составная часть идеала (Буров А.И.); как конкретизация или форма проявления закона (Блюмкин В.А., Митрофанов Г.А.); как закон организации деятельности, программа деятельности, определенная пропорция, мера (Плахов В.Д., Аганбегян А.Г.) и др. Следует отметить, что еще в 70-х гг. выделялись и исследовались

организационные нормы, нормы общественных организаций, организационные обычаи (Карева М.В., Коток В.Ф.).

Что касается проблем соотношения норм и институтов, то сложилось несколько подходов. Институт, норма, правило поведения тождественны; институт – фактически действующая рефлексивная норма (Гребенников В.Г.); институт – устойчивый комплект формальных и неформальных правил, принципов, норм, установок, регулирующих деятельность (Седов П.А.); независимо от природы институтов в реальной жизни они принимают формы правовых норм, традиций, неформальных правил, культурных стереотипов, это общепринятые социально целесообразные нормы (Нестеренко А.); норма и правило рассматриваются как простые институты по отношению к организациям – сложным институтам (Ольсевич Ю., Мазарчук В.); нормы поведения формируются внутри культуры общества и находят свое отражение в структурах, упорядочивающих человеческую деятельность, эти структуры, т.е. правила, дополняются механизмами принуждения к их исполнению и есть институты (Кузьминов Я., Бендукидзе К., Юдкевич М.). Таким образом ключевым для определения института оказывается понятие «норма», однако существует мнение, что суть институтов не сводима к нормам, последнее есть атрибут института, но не его социальная сущность, раскрытие которой требует более широкого методологического подхода (Иншаков О.В.). Институт – это функциональная организация, обеспечивающая реализацию конкретной системы однородных институций, т.е. социальных форм типизации функций хозяйственных субъектов, определяющих их статусы и роли в системе производства общественного бытия и образующие систему отношений функциональной структуры общества (Иншаков О.В.). Правила и нормы различаются в зависимости от способа принуждения к их исполнению. Норма – поведенческая регулярность, развивающаяся в силу взаимных намерений и ожиданий (т.е. «коллективной интенциональности»). Норма либо одобряется, либо не принимается. Правила же есть продукт явного соглашения, достигнутого с привлечением некоторой вышестоящей инстанции и сопровождающейся санкциями (Р. Туомела).

Закон становится правилом благодаря принудительному механизму с момента, когда поведение станет обыденным, т.е. приобретет нормативный статус. Привычка становится правилом, когда приобретает неотъемлемое нормативное содержание, она конструктивный материал для институтов, правило – это транслируемое в обществе и соответствующее обычаю нормативное предписание или нормативная склонность, правила включают нормы поведения, правовые нормы, социальные конвенции (Дж. Ходжсон). Правила – это термин, с помощью которого можно описать регулярность поведения, т.е. это любая поведенческая склонность, диспозиция, привычки (Хайек Ф.А.). Чтобы правила были эффективны в социальном контексте, они не обязательно должны целиком сознательно осмысливаться (М.Поланьи). Правила – это набор предписаний по поводу запрещенных и разрешенных действий (Шастико А.).

В качестве критериев классификации институтов обычно выделяются тип, вид субъектов, сфера принятия решений, время возникновения, устойчивость, степень формализации, механизмы информирования и контроля, а в итоге выделяются макроэкономические, микроэкономические и наноэкономические институты (Клейнер Г.Б.). В других случаях в структурировании институтов выделяется исходный уровень, включающий нормы, обычаи, правила, нравы, традиции, ритуалы, обряды, т.е. базовые рутины современного общества, а также формальные правила, которые не должны игнорировать неформальное проявление институциональной реальности, и уровень институтов управления, функцией которых является преодоление моментов неопределенности. И наконец последний уровень – микроэкономический уровень, обеспечивающий оптимальность в решении микро- и нанопроблем предпринимательства (О. Уильямсон). При классификации институтов справедливо отмечается, что они не изолированы друг от друга, а тесно переплетаются между собой и в их анализе следует учитывать принцип комплиментарности, а институциональная система включает в себя уровни формальных правил, фиксирующихся в правовых актах и соглашениях, неформальных правил, представленных социальными нормами, а также уровень культурных традиций и ценностей, причем различается как скорость изменения институтов различных уровней, так и инструменты воздействия на них (Кузьминов Я., Радаев В., Яковлев А., Ясин Е.). Помимо формальных и неформальных институтов выделяются также институты саморегулирования, находящиеся на грани между первыми и вторыми (Радыгин А., Энтов Р.). Более подробная классификация институтов учитывает цивилизационные и формационные аспекты исследования, а также сферы их действия, отрасли, уровень развития, масштабы, иерархию, и в итоге выделяются традиционные, нормативные, ценностные, первобытнообщинные,

рабовладельческие, феодальные, капиталистические, глобальные, региональные, сословнокастовые, демократические, развивающиеся, разрушающиеся, мегаинституты, макроинституты, вплоть до наноинститутов (Иншаков О.В.). Справедливости ради необходимо отметить, что в советской юридической литературе в 50-70-х гг. XX века аналогичный подход применялся при классификации социальных норм, которые подразделялись на обычаи, нормы морали, юридические нормы (Александров Н.Г.); нормы права, нормы морали, обычаи (Курылев С.В., Шебанов А.Ф., Ткаченко Ю.); нормы морали, нормы права, нормы культуры или нравы (Вильнянский С.И.); правовые нормы, нравственные нормы, обычаи и нормы общественных организаций (Алексеев С.С., Недбайло П., Лейст О.Э., Нижечек В.И.). В современной литературе разумеется осуществляется более детальная классификация норм.

Наличие таких разночтений в профессиональной терминологии свидетельствует об отсутствии согласованности между категориально- концептуальным содержанием и используемым при этом языком, принятым в науке. Для того, чтобы преодолеть такой разрыв необходимо перейти от операций с подсхемами (подпарадигмами) знания к уточнению и упорядочиванию языка выражения, однако в силу наличия различных школ, а также институционального оформления тех или иных научных направлений такой переход не всегда возможен, и даже желателен для них.

Норма фиксирует момент определённости социального субъекта в деятельности и момент устойчивости, типичности общественных отношений. И для деятельности и для общественных отношений социальная норма есть “свое иное”. Причем недопустимо как отождествление общественных отношений и деятельности, которая исключает возможность корректной постановки вопроса о сущностных характеристиках социальной нормы, так и сведения общественных отношений к общению, что даёт возможность выявления в лучшем случае эмпирических характеристик нормы, на основе определения сходного, общего, повторяющегося в традициях, в обычаях, стандартах, стереотипах общения и поведения, а основание сходного, повторяющегося необходимого в этих нормативных элементах зачастую остаётся нераскрытым.

Всякая необходимость и её выражение, в данном случае социальная норма, всегда существует в пределах меры, выход за пределы которой означает её снятие, исчезновение, либо функционирование в остаточной форме, в виде какого-либо нормативного элемента.

Поэтому следует определить социальные нормы как исторически сложившиеся и выраженные в институционально-системной форме объективные регуляторы деятельности и общественных отношений, фиксирующие их особенности и взаимную связь, проявляющиеся в традициях, обычаях, ритуалах, стереотипах поведения и т.д.

Такое понимание социальной нормы позволяет интерпретировать другие нормативные элементы (традиции, правила, обычаи, требования, стереотипы, институты и т.п.) как результат воплощения в действительности того спектра возможностей, который определяется границами меры, задаваемых социальной нормой. В основе этого разнообразия возможностей лежит то необходимо-общее, которое определяется социальной нормой. Социальная норма направлена на то, чтобы закрепить, институционализировать механизм реализации интересов, это главное, сущностное функциональное назначение социальной нормы. Норма выражает и отражает объективную общественную необходимость не непосредственно, а через призму интереса той социальной группы, которая является субъектом нормотворчества, поэтому именно интерес есть та объективная основа, которая может служить критерием выделения как видов социальных норм, так и их соотношения в рамках системы. Исследуя социальные нормы как регулирующий, регламентирующий момент деятельности, необходимо учитывать и то, что сущность социального процесса не тождественна форме его протекания. Поэтому среди социальных норм, необходимо, с одной стороны, выделять те нормы, которые выражают существенные черты конкретно-исторических видов деятельности и тесно связаны с формационными (или цивилизационными) характеристиками деятельности и общественных отношений. И с другой стороны, те социальные нормы, которые в своем содержании выражают все богатство практического процесса и дают нам возможность оценивать все многообразие конкретных общественных отношений и видов деятельности, а соответственно, и многообразие культур, а, следовательно, и институциональных систем.